

ДИСКУСІЇ

Тимур Бобровский

Бреши в корпусе (заметки о монографии В.В. Корниенко «Корпус графіті Софії Київської»)

Граффити Софии Киевской — замечательный комплекс средневековых эпиграфических памятников, многочисленность которых обусловлена исключительной по величине площадью сохранившихся древних фресковых росписей. Софийские граффити изучались Б.А. Рыбаковым и С.А. Высоцким, издавшим во второй половине прошлого столетия свыше 300 надписей и рисунков, происходящих из собора¹. С 2006 г. работу по их выявлению, фиксации и публикации продолжил сотрудник Национального заповедника «София Киевская» В.В. Корниенко. Итогом его исследований стали многочисленные статьи и сообщения в научных и популярных изданиях, а также первая часть «Корпуса граффити Софии Киевской», увидевшая свет весной 2010 г. (далее — *Корпус*)².

Корпус представляет собой монографию объемом 464 стр. (с иллюстрациями), содержащую описание и интерпретации 482 надписей и рисунков, выполненных на стенах Георгиевского придела Софийского собора и зафиксированных В.В. Корниенко в период с 2006 по 2009 гг.³

На фоне гораздо меньшего числа граффити, изданных С.А. Высоцким по результатам двадцатипятилетнего целенаправленного труда, объем работы, осуществленной издателем *Корпуса*, впечатляет⁴. Следовало бы предположить, что исследователь пользовался качественно иной методикой изучения средневековой эпиграфики, нежели его предшественник, что и позволило ему гораздо эф-

---

1 Рыбаков Б.А. *Русские датированные надписи XI–XIV вв.* / Свод археологических источников (вып. Е-144). М., 1964; Высоцкий С.А. *Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв.* К., 1966; Высоцкий С.А. *Средневековые надписи Софии Киевской.* К., 1976; Высоцкий С.А. *Киевские граффити XI–XVII вв.* К., 1985.

2 Корниенко В.В. *Корпус графіті Софії Київської. Частина 1: Приділ св. Георгія Великомученика.* К., 2010.

3 «Корпус» прошел научное рецензирование, причем, рецензентами работы стали три доктора исторических наук и один — филологических. Также монография рекомендована к печати решениями двух ученых советов — Национального заповедника «София Киевская» и Института украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины.

4 В интервью, даваемых В.В. Корниенко средствам массовой информации, указывается, что за 4 года исследований в соборе было зафиксировано около 2500 граффити, что в 6 раз больше суммарного количества надписей, обработанных С.А. Высоцким с 1957 по 1985 гг.

фективной фиксировать и обрабатывать софийские граффити. Правда, сам издатель настаивает, что придерживался методики С.А. Высоцкого без какого-либо ее существенного изменения, кроме использования «более совершенных технических средств»⁵. Очевидная несопоставимость объемов исследований, осуществленных С.А. Высоцким и В.В. Корниенко по единой методике, способна породить сомнение в качестве результатов новейших работ. Впрочем, не будем торопиться с выводами, а обратимся к содержанию монографии и попробуем оценить опубликованные материалы, исходя из объективности фиксации эпиграфических памятников, аргументированности их прочтения, интерпретации и датировки, наконец, адекватности и полноты публикации⁶.

Прежде всего, рассмотрим использованную В.В. Корниенко методику натурной фиксации древних надписей и рисунков. Применительно к граффити наиболее объективным методом фиксации вплоть до недавнего времени считалось изготовление эстампажей⁷, но он мало пригоден в случае фиксации эпиграфических памятников, выполненных на фресках, поскольку может привести к повреждению красочного слоя. Осознавая эту опасность, С.А. Высоцкий предложил фиксировать софийские граффити бесконтактно, фотографируя их и выполняя прорисовки по фотоотпечаткам. Именно этот метод в настоящее время получил широкое распространение среди восточноевропейских эпиграфистов⁸. По сути, этим же методом пользуется и В.В. Корниенко, чаще всего прибегаем к нему и мы⁹.

Однако основным недостатком методики изготовления прорисовок по фотографиям является высокая степень риска личностного вмешательства исследователя, приводящая к тому, что еще на стадии документирования проявляются элементы авторской интерпретации, нередко ведущие к субъективным искажениям прорисовок. Очевидно, что сведение этих искажений к минимуму является первоочередной задачей исследователя, располагающего для этого определенными возможностями.

5 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 4–5. Под «совершенными техническими средствами», надо полагать, подразумеваются цифровая фотоаппаратура и компьютер, которые действительно способны существенно оптимизировать обработку фотоизображений, но никоим образом не могут влиять на результативность исследовательского процесса.

6 Для автора данной критической заметки эпиграфика не является основной областью научных интересов. Однако в ходе археологических исследований древних подземных сооружений Киева и его округа нам неоднократно приходилось фиксировать надписи и рисунки, сохранившиеся на стенах подземелий. Предварительно некоторые из них были опубликованы (Бобровський Т.А. Давньоруські епітафії зі Звіринських печер у Києві. *Біографічна некрополістика в контексті сучасної історичної науки: Джерела та результати досліджень*. К., 2002, 58–64; Бобровський Т.А. *Підземні споруди Києва від найдавніших часів до середини XIX ст. (спелео-археологічний нарис)*. К., 2007, 53, 55, 63–64, 86–87, 175, рис. 58), хотя большая часть находок, ввиду их небольшого числа (например, свод граффити Ближних пещер Киево-Печерской лавры насчитывает свыше 200 надписей), еще только готовится к печати. В ходе натуральных исследований нами накоплен определенный опыт в вопросах фиксации и интерпретации древних надписей, с позиций которого мы и пытаемся здесь анализировать материалы, изданные В.В. Корниенко.

7 Овчаров Н. Рисунки-граффити из Новгорода (XII–XV вв.). *Slavia Antiqua*. Т. XXXVII. 1996, 181.

8 Медынцева А.А., Попконстантинов К.К. *Надписи из Круглой церкви в Преславе*. София, 1985, 8–9.

9 Фиксация граффити на стенах пещер, выполненных в мягких суглинковых породах, сродни фиксации надписей на фресках и требует применения бесконтактного метода документирования.

Прежде всего, важной является организация освещенности поля граффито, мелкие детали которого могут обнаруживаться при изменении угла подсветки¹⁰. Наш опыт показывает, что наиболее полную информацию, касающуюся характера врезанных или процарапанных линий, дает поочередное фотографирование с соответственно изменяющимся угловым освещением надписи (оптимально — с четырех разных сторон). Использование цифровых камер и компьютерных программ по редактированию графики, позволяющих совмещать несколько фотографий, способствует получению наиболее точного изображения надписи со всеми ее деталями и особенностями (характер петель, засечек и т.п.), по которому и следует выполнять прорисовку¹¹.

К сожалению, В.В. Корниенко не указывает, использовался ли им при фиксации софийских граффито данный прием. Похоже, что издатель *Корпуса* выполнял прорисовки лишь по фотографиям с максимально эффектной освещенностью, однако, в этом случае с уверенностью можно прогнозировать существенное искажение их облика уже на стадии фиксации. Кроме того, В.В. Корниенко не разъясняет, какими средствами осуществлялась коррекция неизбежных оптических (линзовых) искажений, что также является необходимым для получения максимально точного отображения надписей на их прорисовках¹².

Следует отметить, что, как правило, прорисовка, выполненная с учетом упомянутых нюансов, получается весьма точной и визуально не отличима от оригинала. С другой стороны, любое вмешательство в прорисовку, выполненное не на основании задокументированного фотографией состояния, зависит от субъективного восприятия надписи и тем самым снижает достоверность самой прорисовки.

Однако В.В. Корниенко утверждает, что

*на фотографии не всегда заметны все детали надписи или рисунка, а в некоторых случаях повреждения и рельеф поверхности штукатурки могут исказить внешний вид отдельных знаков. К тому же только по ней трудно отличить мелкие выбоины, царапины или «гнезда» добавленной в штукатурку соломы от прорезей, которые нередко закрыты шпаклевкой или слабо расширены от нее*¹³.

10 Об этом см.: Медынцева А.А., Попконстантинов К.К. *Надписи из Круглой церкви*, 9.

11 Для публикации совмещенные снимки, естественно, не подходят. В этом случае выполняется обычная документальная съемка надписи с освещением, наиболее контрастно ее представляющим. Использование В.В. Корниенко источника рассеянного освещения для изготовления публикационных фотографий малоэффективно из-за полиграфических ограничений при репродуцировании слабоконтрастных снимков.

12 Например, нами с этой целью выполняется панорамная съемка надписей с 50% наложением кадров. В ходе монтажа полученных изображений отсекаются края монтируемых кадров, что позволяет избежать оптических искажений. Существуют и другие методы, в частности, специальные компьютерные программы, применяемые в фотометрии. По-видимому, этот аспект никак не учитывался исследователем, а соответственно, в выполненных В.В. Корниенко прорисовках присутствуют некоторые искажения краев изображений (они, как правило, несущественны, но иногда могут влиять на конфигурацию знаков).

13 Корнієнко В.В. *Корпус графіті*, 5. Здесь и далее цитаты из *Корпуса* переведены с украинского языка – подстрочно и с сохранением авторской пунктуации.

В этом случае издателем *Корпуса* предлагается корректировать прорисовку контуров граффито на основании результатов дополнительного натурного обследования оригинала, что, по сути, неизбежно приводит к субъективизации прорисовки.

В этой связи немаловажно и то, что именно следует отображать на прорисовках. В.В. Корниенко полагает, что выщербины и штрихи необходимо прорисовывать лишь в тех случаях, когда они соприкасаются с элементами граффити, которые, как несложно понять, определяются исследователем по собственному разумению. Мы же убеждены, что залогом объективности прорисовки, документирующей состояние граффито, является фиксация всех без исключения элементов рельефа поверхности стены в пределах его поля¹⁴.

Субъективная «очистка» прорисовок, осуществляемая издателем *Корпуса*, приводит к значительным искажениям фиксационного материала, как это видно на примере целого ряда опубликованных граффити:

— в гр. № 2 пропущена плохо сохранившаяся буква под титлом в конце надписи, видимая на фотографии и прорисовке, приведенной С.А. Высоцким¹⁵;

— в гр. № 795 пропущены одна или несколько букв в нижней строке¹⁶;

— в гр. № 969 сомнительной является реконструкция слова *нико[ла]*, поскольку *ко* расположено над *ни*, образуя верхнюю строку, имеющую продолжение в два знака, видимых на фотографии, но не отображенных на прорисовке¹⁷;

— в гр. № 1150 пропущен целый ряд штрихов во второй строке надписи¹⁸.

Кроме того, в ряде случаев наблюдается искажение в прорисовках отдельных букв либо их важных элементов:

— пропущены несомненные точки над *ї* на прорисовке гр. № 2¹⁹;

— на прорисовке гр. № 735 *р* изображена с округлой петлей, хотя на фотографии отчетливо прослеживается форма петли углом вниз, что существенно и с точки зрения полноты фиксации надписи, и с позиций ее палеографической датировки²⁰;

14 По нашему мнению, оптимальным было бы использование в публикациях трех изображений: одной документальной фотографии хорошего качества и двух прорисовок — полной и вычищенной (допустимым является вариант публикации полной прорисовки с выделенной на ней интерпретируемой частью).

15 *Новое в археологии Киева*. К., 1981, 391–392, рис. 165. Ср.: Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 12–13, табл. III-2.

16 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, табл. XXXVIII-3.

17 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 74, табл. CXV-2.

18 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, табл. CCXX-3.

19 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, табл. III-2. Отметим, что В.В. Корниенко вообще считает *ї* «случайным штрихом» (Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 14), несмотря на то, что другие исследователи (С.А. Высоцкий, В.Л. Янин, С.М. Михеев, А.Ю. Виноградов), изучавшие данное граффито, не сомневались в существовании здесь десятиричного «I» с двумя точками (*Новое в археологии*, 391, прим. 32; Михеев С.М., Виноградов А.Ю. Эпиграфические открытия и время строительства киевского Софийского собора. *Заснування Софійського собору в Києві: проблеми норвих датувань. Матеріали Круглого столу*. К., 2010, 19–20).

20 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, табл. IX-1.

— на этой же прорисовке неверно определено начертание а с длинной спинкой (на фотографии видно короткую спинку, накладывающуюся на остатки какого-то более раннего изображения)²¹;

— в гр. № 770 явное на фотографии е на прорисовке без каких-либо пояснений превращено в ь²².

Таким образом, методика, используемая В.В. Корниенко для фиксации граффити²³, предполагающая необходимость исследовательской правки — субъективного вмешательства в процесс документирования, — ставит под сомнение опубликованные им прорисовки, по крайней мере, те, которые не имеют качественного фотодуближа²⁴. Впрочем, произвольность обращения с первоисточниками, отстаиваемая издателем *Корпуса*, прослеживается и на дальнейших этапах исследования — при чтении, интерпретации и датировке софийских надписей.

Сам принцип, по которому исследователь осуществляет чтение зафиксированных граффити, остается загадкой. Поскольку лингвистический анализ вообще не входит в инструментарий издателя *Корпуса*, можно было бы предположить, что их прочтение осуществлялось по наитию, основанному на базовых знаниях и опыте работы. Однако у В.В. Корниенко нет ни того, ни другого: до 2006 г. он никогда не занимался изучением древнерусской эпиграфики, не был даже специалистом в области истории или археологии Древней Руси. Вследствие этого в монографии наблюдается немало неоправданных с лингвистической точки зрения текстовых реконструкций. Оставляя эти ошибки на усмотрение профессионалов, укажем лишь на несколько очевидных примеров.

О недопустимости реконструкции слова *златѣи* в значении прилагательного женского рода в гр. № 1 сообщалось и ранее²⁵, однако, невразумительным в данной надписи является также прочтение слова *дѣни*, ни смыслово, ни падежно не согласующегося с другими членами этого предложения²⁶.

Кроме того, неосведомленность в вопросах церковнославянской грамматики не позволила В.В. Корниенко корректно реконструировать формулу поминальных надписей (в частности, гр. № 155)²⁷: *ѣи помини дѣшѣ раба своего...*, ведь

21 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, табл. IX-1.

22 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, табл. XXV-2.

23 Между прочим, при фиксации группы надписей, находящихся в пределах целостной поверхности, следует не только определять координаты расположения каждого в отдельности граффито, но и составлять схему их взаимного расположения на стене. Координаты надписей необходимо вычислять не от их «условной средней точки», как предлагает В.В. Корниенко (Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 7), а от точки, имеющей реальное физическое воплощение. Это может быть любая крайняя точка первой или последней буквы верхней или нижней строки надписи (либо же — наиболее хорошо сохранившейся строки); в любом случае она должна быть константной и легко находимой на поверхности.

24 В монографии более половины фотографий — низкого качества или абсолютно бракованных, что, соответственно, не дает возможности проверить достоверность прорисовок.

25 Рождественская Т.В. О сомнительных реконструкциях при чтении софийских граффити. *Заснування Софійського собору в Києві: проблеми нових датувань. Матеріали Круглого столу*. К., 2010, 26.

26 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 11, 400. Смысл имело бы: «в день/дни Пасхи», но тогда оно и читалось бы соответственно о *дѣни пасцы* или о *дѣнехъ пасцы*, т.е. согласовывая предложный и родительный падежи.

27 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 359.

именно слово *дѣша* в винительном падеже обуславливает родительный падеж связанных с ним имен поминаемых²⁸.

В ряде случаев исследователь читает надписи, игнорируя знаки, присутствующие в их тексте и даже отображенные на прорисовках, например:

— в третьей строке гр. № 861 вместо отчетливо видимого на фотографии и прорисовке слова *вогѡуѣк* предлагается читать *вогѡу ѣк*, безосновательно пропуская *ѣ*²⁹;

— неверно прочитано первое слово гр. № 1013, в прорисовке которого отчетливо прослеживается *тѣрѣтѣи* (т.е. «Терентий») с типичной для позднего средневековья надстрочной *и* и сокращением окончания)³⁰.

Следует отметить еще один аспект чтения древних граффити, предлагаемого В.В. Корниенко: нередко им (произвольно и без необходимых пояснений) объединяются в единые надписи фрагменты граффити, имеющие видимые различия в параметрах начертания — размере букв, наклоне строк и т.п. В частности, существенные (полутора-, двухкратные) отличия в параметрах букв наблюдаются в разных словах гр. №№ 1, 758, 799, 1133, 1143 и др.³¹

Не менее сложная ситуация складывается и с интерпретацией содержания граффити, которую предлагается осуществлять

*в контексте функционального назначения помещения, в котором они возникли, а также средневекового церковно-теологического и символического толкования образных архитектурно-художественных форм, с которыми надписи и рисунки связаны в топографическом и смысловом аспектах*³².

По нашему мнению, в вышеприведенной цитате мотивируется допустимость абсолютно произвольной трактовки содержания и смысла эпиграфических материалов, поскольку и функциональное назначение помещений, и символика средневековых архитектурно-художественных форм могут сами по себе иметь широкий диапазон толкований.

Чрезвычайно субъективным представляется и стремление «установить семантику той или иной надписи или рисунка, определить возможные мотивационные факторы, побуждавшие их авторов оставлять их на стенах храма»³³.

Наглядней всего это прослеживается на примере гр. № 12, которое В.В. Корниенко интерпретирует как «запись 1147 г. о смерти князя Игоря Ольговича»³⁴. О сомнительности предложенной интерпретации этой надписи уже сообща-

28 Наиболее полно такая формула поминальных надписей XII–XIII вв. представлена в эпиграфических памятниках Зверинецких пещер в Киеве (см.: Бобровский Т.А. *Давньоруські епітафії*, 58–64).

29 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, табл. LXVII. Кстати, в этой же надписи, вместо *(в)оскоуѣроу* логичней предполагать *(пр)оскоуѣроу*, тем более, что на фотографии перекладина не просматривается достаточно отчетливо.

30 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 89, табл. CXLV.

31 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, табл. III-1, XIX-2, XLI-1, CCXIII-1, CCXVIII-1.

32 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 4.

33 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 8.

34 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 415–419.

лось³⁵, однако, здесь нам хотелось бы подробнее рассмотреть механизм сооружения конструкции, которую издатель *Корпуса* предлагает считать доказательной:

— прежде всего, на основании отклонения от традиционной формулы записи о смерти и погребении делается допущение, что персонаж надписи имел княжеский титул (в качестве аналогии приводится запись о смерти Ярослава Мудрого, где также наблюдается отклонение от традиционной формулы, хотя и совершенно другого характера)³⁶;

— далее допускается, что имя князя в надписи не названо в связи с «осознанием возможного негативного восприятия появления в соборе граффити с именем именно этой личности»³⁷;

— на основании этих двух допущений, а также схожести с числами летописной даты (ср.: 19–20 октября в граффито и 19–20 сентября в летописи), делается вывод о том, что в надписи упомянут Игорь Ольгович, убитый киевлянами в 1147 г.;

— следующее допущение — отнесение к данному граффито приписки с именем Петр, якобы намеренно опущенным автором надписи³⁸;

— поскольку в синодиках указывается, что крестильное и монашеское имена Игоря Ольговича были, соответственно, Георгий и Гавриил, делается очередное допущение, что Петр было «тайным молитвенным именем» князя³⁹;

— на основании всех указанных допущений делается вывод, что летописец намеренно искажил даты смерти и погребения «Петра», дабы, перенеся их с воскресенья–понедельника 19–20 октября на пятницу–субботу 19–20 сентября 1147 г., подчеркнуть мученический характер кончины князя⁴⁰.

Как видим, реальным является лишь совпадение чисел 19 и 20 в эпиграфическом и нарративном источниках; все остальное — крестильное и монашеское имена князя, месяцы и дни недели — разнится. Однако это отнюдь не мешает В.В. Корниенко даже не предполагать, а утверждать, что «мы имеем все основания для отождествления упомянутого в граффити № 12 Петра с киевским князем Игорем Ольговичем», поскольку «благодаря исследованию надписи удалось уточнить дату смерти князя, определить его крестильное и молитвенное имена, а также четко установить дату выщарапывания самого граффити, отнеся ее к 1147 году»⁴¹. Таким образом, нагромождение допущений превращается в «установленный факт».

Тот же самый принцип, не имеющий ничего общего с научной аргументацией, применен издателем *Корпуса* и по отношению ряда других надписей Георгиевского придела (например, в гр. №№ 1, 11, 758, 861, 1092)⁴². При этом для придания весомости реконструкциям В.В. Корниенко широко использует

35 Жарких М.І. Що можна і чого не можна дізнатись про Київську Русь? *Заснування Софійського собору в Києві: проблеми нових датувань Матеріали Круглого столу*, 68–70.

36 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 415–416.

37 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 415.

38 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 415.

39 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 417–418.

40 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 417.

41 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 418.

42 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 9–11, 25–26, 55, 105–108, 113.

маловразумительные понятия собственного изобретения, как-то: «эсхатологический календарь», «универсальная и сакраментальная числовые субстанции», «сакральная целостность текста», «мистическая сердцевина граффити» и т.п.⁴³

В частности, по мнению исследователя, «неординарное написание» в гр. № 1 буквы т, якобы образованной слиянием трех букв г, числовая сумма которых дает 9 («предел» в трактовке В.В. Корниенко), «акцентирует скорое наступление Судного дня»⁴⁴. На самом деле (если следовать прорисовке издателя), здесь фиксируется совершенно обычного вида трехмачтовое т, позволяющее отнести данную часть надписи к позднесредневековому времени, что не согласуется с предложенной исследователем датировкой граффито 1022 г. и потому потребовало абсолютно надуманного привлечения «гематрической семантики»⁴⁵.

Не менее произвольной представляется реконструкция 7000 г. от сотворения мира (1492 г. от Р.Х.) в гр. № 758⁴⁶. Как и в случае с гр. № 1, здесь смешаны фрагменты двух различных граффито, для которых с целью их объединения придуман эсхатологический контекст, благодаря чему даже не предполагаются, а «уверенно восстанавливаются» несуществующие элементы надписи⁴⁷.

Также без малейшего сомнения издатель *Корпуса* берет на себя смелость реконструировать текст многострочной надписи (гр. № 746 из 18 букв) всего по шести сохранившимся знакам (точнее, по трем, поскольку остальные восстанавливаются лишь гипотетически): [п]о[м]о[з]и [р]а[б]о[у] [с]в[е]л[ю]т⁴⁸. Следует отметить, что на прилагаемой фотографии отчетливо прослеживается продолжение верхней строки с буквами к и р, а з имеет несоразмерные параметры с остальными буквами граффито⁴⁹.

Аналогично в гр. № 1100 шестистрочная надпись реконструируется по 10 разрозненным буквам: о [а]г[и]и [к]р[о]с [и]д[ан]нос [п]о[м]ил[у]и[т]е⁵⁰. Кроме всего прочего, эта реконструкция является маловероятной из-за смешения в ней двух языковых формул — славянской и греческой, что никак не объяснено издателем.

Кстати, субъективное восприятие граффити В.В. Корниенко, прослеживающееся, как упоминалось выше, еще на стадии их фиксации, приводит, в частности, к совершенно неоправданному прочтению даты на месте очевидного греческого текста в гр. № 720⁵¹. По-видимому, греческим является и гр. № 1160,

43 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 400–414.

44 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 10–11, 403.

45 Тем удивительней, что В.В. Корниенко отказался от чтения и интерпретации безусловно вразумительного гр. № 1072, имеющего явный символический подтекст: «триста и сорок четырежды свят» (Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 102, табл. CLXXVIII-1).

46 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 25–26, 408–409.

47 В то же время В.В. Корниенко называет «маловероятными гипотетичными допущениями» куда более обоснованные интерпретации своих предшественников относительно гр. №№ 15 и 214 (Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 361, 363).

48 В квадратные скобки нами заключены буквы, отсутствующие в прорисовке, а в круглые — реконструируемые по их остаткам.

49 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, табл. XIV-2.

50 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 115, табл. СХСХVI.

51 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 15. Критику см.: Михеев С.М., Виноградов А.Ю. *Эпиграфические открытия*, 21.

интерпретированное В.В. Корниенко как кириллическое, хотя видимые на прописке знаки имеют отчетливое минускульное начертание⁵².

Список произвольно интерпретированных издателем граффити можно, увы, продолжать, однако, теперь мы хотели бы детальнее остановиться на вопросе датировки представленного в монографии материала, тем более что именно время создания той или иной надписи нередко играет ключевую роль в авторской интерпретации ее содержания.

Прежде всего, важно отметить, что для всех граффити Софийского собора, равно как и любого другого комплекса эпиграфических памятников, выполненных на фресковой живописи, *terminus ante quem* является время его росписи. В.В. Корниенко *a priori* считает таковыми 1014/1015–1018 гг., основываясь на предположении Н.Н. Никитенко, что собор был основан князем Владимиром Святославичем⁵³. В результате, для целого ряда надписей в качестве нижнего хронологического рубежа возникновения принимаются 10–20-е гг. XI в. Методологическая ошибочность такого подхода очевидна, поскольку во главу угла обоснования концепции Н.Н. Никитенко с недавних пор помещены именно граффити (в частности, гр. №№ 1, 2, 720 из Георгиевского придела)⁵⁴.

В качестве хронологических индикаторов В.В. Корниенко предлагает рассматривать форму каналов «прорезей», «стратиграфию» надписей, их «типологию» и палеографию⁵⁵. По поводу первого из этих признаков заметим, что использование «разорванности» краев штрихов в качестве хронологического признака⁵⁶ является целиком надуманным, поскольку зависит не от времени, а от разновидности инструмента, которым выполнялась та или иная надпись (стило, нож, игла и пр.). Поэтому даже среди древнерусских граффити встречаются надписи как с ровными, так и рваными краями (достаточно для примера сравнить начертания граффити №№ 15 и 724)⁵⁷. С другой стороны, требует объяснения факт сосуществования в пределах одной надписи букв с различными характерами линий, как, например, в гр. № 923, где *m* и частично *a* процарапаны по сухой штукатурке, а *p* — по сырой⁵⁸.

Также не менее проблематичным является использование для датировки т.н. «типологии» надписей, определяемой В.В. Корниенко по языковому признаку (точнее, по использованию различных письменных систем). Категоричное ограничение времени появления в соборе глаголических или латинских надписей,

52 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 128, табл. ССХХV.

53 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 7, прим.

54 Никитенко Н. Софії Київській — 1000 років і це не «вчена фікція», а історична реальність. *Час заснування Софії Київської. Пристрасті довкола мілленіума*. К., 2010, 30–31. Группа граффити с т.н. «ранними датами» требует отдельного рассмотрения, здесь же мы ограничимся замечанием, что практически все даты, обнаруженные В.В. Корниенко в соборе, являются сомнительными, однако, именно они и служат «доказательством» новой хронологии памятника, которая, в свою очередь, свидетельствует о «правильности» их прочтения.

55 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 7–8.

56 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 7.

57 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, табл. III-3, V-1.

58 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, табл. ХСV-1.

граффити на греческом, армянском или каком-либо ином языке, актуальном в средние века, не может быть принято безоговорочно. В частности, глаголические тексты у славян бытовали и после XIII в.⁵⁹; известно также, что представители католического мира посещали Киев задолго до XVI в., а грекоязычное духовенство — много позже XIII в.

Далее, под «стратиграфией надписей» В.В. Корниенко понимает возможность «установить предшествование одного граффити [так в тексте — Т.Б.] другому»⁶⁰. Издатель *Корпуса* не раскрывает методику этого способа, но из контекста описаний отдельных граффити (например, №№ 141 и 141а, 12 и 1116)⁶¹, можно сделать вывод, что речь идет о выявлении «взаимодействия» соседствующих или накладывающихся друг на друга надписей, из чего и следуют выводы об их относительной хронологии. Этот весьма перспективный метод, к сожалению, используется издателем непоследовательно и без должной характеристики замеченного «взаимодействия». В частности, «стратиграфические наблюдения» почему-то не были проведены издателем относительно целого ряда «накладывающихся» граффити (например, гр. №№ 824, 911 и 912, 1089 и 1090, пр.)⁶².

Наконец, действительно важными хронологическими индикаторами для определения времени начертания софийских граффити являются их палеографические особенности. В.В. Корниенко часто и много использует данные кириллической палеографии, беря за основу, как классические труды Е.Ф. Карского и Л.В. Черепнина, так и новейшие разработки А.А. Зализняка⁶³. При этом, однако, издателем *Корпуса* почему-то используются не палеографические матрицы, разработанные на обширнейшем материале новгородских берестяных грамот, а лишь таблицы образцов начертания букв. Это свидетельствует о том, что В.В. Корниенко недостаточно внимательно ознакомился с методикой внестратиграфического датирования берестяных грамот, в основу которой положено не наблюдение за отдельными признаками, а сравнительный анализ всей их совокупности, для чего, собственно, и составляются палеографические матрицы⁶⁴.

59 Например, о глаголической приписке в *Зографской минее* середины XIV в. см.: Иванов И. *Български старини из Македонија*. София, 1970, 237.

60 Корниенко В.В. *Корпус графити*, 7.

61 Корниенко В.В. *Корпус графити*, 29–30, 119.

62 Корниенко В.В. *Корпус графити*, табл. LI-2, XC, CXCI. Для гр. № 824 В.В. Корниенко предложена, на наш взгляд, неверная интерпретация, строящаяся на множестве допущений (Корниенко В.В. *Корпус графити*, 48–49). Очевидно, в данной надписи произошло наложение двух граффити, одно из которых представлено рядом вертикальных черт, аналогичных «записям учета поминаний».

63 Корниенко В.В. *Корпус графити*, 7.

64 Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. Янин В.Л., Зализняк А.А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.)*. Т. X. М., 2000, 134–250. Следует отметить, что «параметрический метод» в палеографическом анализе является достаточно простым в обращении исследовательским инструментом, прекрасно зарекомендовавшим себя не только применительно к новгородской эпиграфике. В частности, этот метод успешно используется специалистами при изучении кириллических граффити за пределами Новгорода: Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей. Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.)*. Т. XI. М., 2004, 233–287; Артамонов Ю., Гиппиус А., Зайцев И. Из древнерусской эпиграфики Константинопольской Софии. *Ruthenica*. Т. VIII. К., 2009, 227–243.

Пренебрежение издателя *Корпуса* указанной методикой, в конечном счете, сказывается на качестве осуществленного им палеографического датирования изданных граффити. Учитывая принципы параметрического метода, нами были проанализированы предложенные В.В. Корниенко датировки первой сотни граффити *Корпуса* (от № 1 до № 802). Обобщающие результаты этого анализа представлены в следующей таблице⁶⁵:

№№ гр.гр.	Датировка В.В. Корниенко	Датировка по палеографическим матрицам	Кол-во букв	Матрица в приложении
Граффити с достаточным количеством букв для палеографического анализа (более 10 знаков)				
1	1022	1120 — 1200	19	+
124	1175 — 1200	1240 — (1260 — 1300) — 1320	34	+
141	1160 — 1200	1140 — 1200	26	+
155	1175 — 1200	1240 — (1280 — 1300)	19	+
214	1170 — 1200	1140 — 1200	22	+
251	1200 — 1225	1280 — 1320	12	+
723	1030 — 1040	1100 — (1140 — 1200) — 1220	28	+
724	1030 — 1040	1280 — 1300	26	+
726	начало 1020-х	1140 — 1180	20	+
735	1125 — 1200	(1280 — 1320) — 1340	11	+
759	1125 — 1350	1320 — 1360	18	+
796	1125 — 1150	1280 — 1320	106	+
800	1125 — 1225	1025 — (1120 — 1240) — 1300	12	+
Граффити с ограниченным количеством букв для палеографического анализа (от 5 до 10 знаков)				
1a	начало 1020-х	1160 — 1260	8	—
2	1036	(1025 — 1220) — 1450	5	— ⁶⁶
15	1025 — 1125	1160 — (1200 — 1260)	9	+
125	1175 — 1200	1100 — (1140 — 1300) — 1450	6	—
126	1125 — 1225	1100 — 1200	10	— ⁶⁷
126a	1025 — 1225	1100 — 1200	5	—
127	1125 — 1225	1100 — 1200	10	+
251a	1025 — 1325	(1160 — 1220) — 1360	5	+
728	начало 1020-х	(1100 — 1200) — 1300	5	—

65 Абсолютные даты в данной таблице носят условный характер и даны для упрощения восприятия хронологических диапазонов (см. также: Зализняк А.А. *К изучению древнерусских надписей*, 239).

66 Палеографическая датировка соответствует текстовой дате данного граффито лишь при условии определения в нем буквы а на месте предполагаемой В.В. Корниенко д, поскольку «дельтаобразные» д появляются только в начале XII в. (Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 221). Соответственно, неверной является и дата 1036 г., — здесь вероятнее следует читать 1033 г., как считают С.М. Михеев и А.Ю. Виноградов (Михеев С.М., Виноградов А.Ю. *Эпиграфические открытия*, 20).

67 Матрицы гр. №№ 126 и 127 аналогичны; отличаются лишь начертания буквы ү, неприципальные для датировки данных надписей. Из матриц обеих надписей исключено начертание ї «с пересечкой и засечками на мачте», имеющее датировку в пределах середины XIII — середины XV вв. (Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 223).

729	начало 1020-х	1025 — 1120	10	— ⁶⁸
730	начало 1020-х	1025 — 1120	6	—
732	1025 — (1275 — 1325) — 1400	(1100 — 1200) — 1300	5	—
746	(1150 — 1325) — 1450	1240 — (1280 — 1340) — 1360	5	+
758	начало 1480-х	1160 — 1200 // 1280 — 1320	8	+
760	1125 — 1350	(1025 — 1280) — 1340	8	—
773	1250 — 1325	1380 — 1420	6	+
783	1025 — (1130 — 1225)	1025 — 1450	5	-
786	1125 — 1200	1100 — 1200	7	-
792	1150 — 1375	1160 — 1200	6	-
795	1325 — 1450	1320 — 1450	5	-
799	1300 — 1325	1320 — 1360	7	-

Граффити с недостаточным количеством букв для палеографического анализа
(менее 5 знаков)

№№ 124а, 141а, 720, 727, 731, 733, 734, 737, 741, 743, 744а, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 761, 762, 764, 767, 769, 770, 771, 772, 775, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 784, 785, 787, 788, 789, 793, 794

Граффити, не имеющие данных для проведения палеографического анализа
(рисунки и греческие надписи)

№№ 721, 722, 725, 736, 738, 739, 740, 742, 744, 745, 763, 765, 766, 768, 774, 776, 790, 791, 797, 798, 801, 802

Как видим, из 100 приведенных выше граффити 22 представлены рисунками и греческими надписями, не подлежащими палеографическому анализу, а 44-м недостает данных для проведения полноценного палеографического анализа. Из оставшихся — 23 датированы В.В. Корниенко неверно, и только для 10-ти предложенная издателем *Корпуса* датировка не противоречит их палеографии. Таким образом, лишь в трети случаев издатель *Корпуса* способен более-менее верно датировать надписи по их палеографическим признакам, что есть следствием использования устаревшего способа датирования «по отдельным выхваченным признакам», от чего особо предостерегает разработчик параметрического метода⁶⁹.

Еще одна характерная деталь — даже опираясь на отдельные признаки, В.В. Корниенко умудряется допускать досадные промахи в их датировании, например:

— в гр. № 757 ρ «с петлей углом вперед» следует датировать в пределах середины XII — середины XV вв., а не середины XII — последней четверти XIII в.⁷⁰;

— м «с провисающей петлей и вертикальными мачтами» получает распространение лишь в последней четверти XIII в., а потому не может обосновывать в гр. №№ 735, 759 датировку, начинающуюся со второй четверти XII в.⁷¹;

68 Решающим датировочным признаком в данном граффито является начертание буквы в «округлой петлей» (Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 220).

69 Зализняк А.А. *К изучению древнерусских надписей*, 238.

70 Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 225; Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 25.

71 Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 224; Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 21, 26.

— в гр. № 770 — ь «с округлой петлей» бытует только до конца XII в., и не является нормой для последней четверти XIII в.⁷²;

— в гр. № 775 — «W-образная» w встречается с первой половины XI в., а не с начала XII в.⁷³;

— в гр. № 784 — ђ «без боковых засечек» используется до XV в. включительно, а не до первой четверти XIII в.⁷⁴

Наряду с этим нередки случаи, когда в качестве датирующего признака издателем *Корпуса* используются графические модели, которые имеют очень широкие хронологические диапазоны, но одновременно игнорируются те, что существенно сужают датировку граффито. Например, В.В. Корниенко в гр. № 732 выбраны в качестве реперных модели букв *л* и *з*, хотя более информативными здесь являются модели буквы *о*, собственно и определяющие его датировку⁷⁵.

С другой стороны, издатель *Корпуса* нередко использует для палеографической датировки такой признак, как «округлая нижняя петля у *в*»⁷⁶, совершенно игнорируя замечание А.А. Зализняка о том, что:

*...округлая нижняя петля у в ... не должна приниматься во внимание при установлении даты, поскольку у граффити эта особенность имеет иное хронологическое распределение, чем у берестяных грамот (а именно, она встречается не только в самый ранний период, но и существенно позднее)*⁷⁷.

В итоге, на основе неверно выполненных палеографических расчетов в ряде случаев издатель *Корпуса* осуществляет ошибочную интерпретацию и делает обобщающие выводы, также закономерно оказывающиеся неверными. В первую очередь это касается тех граффити, в которых обнаружены «записи дат», например:

— гр. № 1, якобы имеющее дату 1022 г., по палеографии может быть датировано в пределах второй четверти — конца XII в.⁷⁸;

— несопоставим с датой 1033 г. хронологический диапазон графических моделей в гр. № 720, определяемый в пределах начала XII — серединой XV вв.⁷⁹;

— совершенно казусным выглядит несоответствие палеографической датировки гр. № 758 в пределах второй половины XII в. или рубежа XIII — XIV вв. дате 1492 г., реконструируемой В.В. Корниенко в тексте этой надписи⁸⁰;

72 Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 228; Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 31.

73 Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 227; Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 31.

74 Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 226; Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 34.

75 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 20, табл. VIII.

76 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 25, 40, 43, 45, 51, 60, 66, 113 (Гр. №№ 251, 750, 796, 804, 805, 841, 877, 878, 927, 1091).

77 Зализняк А.А. *К изучению древнерусских надписей*, 269–270.

78 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 9–11, 131, табл. III-1. Матрица этого граффито воспроизведена в приложении.

79 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 15, табл. IV-1. Здесь датирующей является модель буквы *а* «с выпуклой остроконечной петлей», появляющаяся лишь в начале XII в. (Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 220).

80 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 25–26, табл. XIX-2. Матрица этого граффито воспроизведена в приложении.

— палеографический анализ гр. № 1092 не подтверждает его «контекстную» датировку началом 90-х гг. XI в. и, соответственно, связь с князем Ростиславом Всеволодовичем, поскольку в действительности надпись датируется в пределах середины — третей четверти XII в.⁸¹

То же самое касается и большинства граффити, относимых издателем *Корпуса* по «стратиграфическому принципу» к первой трети XI в. На самом деле, относительно этих надписей В.В. Корниенко вовсе не придерживался принципа «стратиграфии», т.е. наблюдения за реальным «взаимодействием» соседствующих надписей. Для них придуманы субъективные критерии — «явное тяготение» одной надписи к другой или «группировка» надписей вокруг одного граффито⁸². Из восьми таких надписей датировка лишь двух (гр. №№ 729, 730) в принципе не противоречит их палеографическим особенностям, остальные же (гр. №№ 1а, 723, 724, 726, 727, 728) не могут быть отнесены ко времени ранее начала — середины XII в.⁸³:

— для палеографической датировки гр. № 1а (по прорисовкам В.В. Корниенко) определяющими являются буквы «шириной в и» (середина XII — середина XV в.) и «с переломом хвоста» (вторая половина XII — середина XV вв.)⁸⁴;

— в гр. № 727, от которого сохранилось лишь три буквы, датирующими могут быть определены начертания «у» «с маленьким о» (вторая четверть XI — начало XIII вв.) и «У-образного» «у» (начало XII — середина XV вв.)⁸⁵;

— в гр. № 728 датирующими являются «с выступом вверху» и «з», «хвост которой мало выступает из строки» (начало XII — конец XIII вв.)⁸⁶.

Применение параметрического метода позволяет также подтвердить высказанное ранее предположение о спорности использования «форм каналов прорезей» для датировки граффити. По крайней мере, три надписи, отнесенные В.В. Корниенко к 1014–1015/1018 гг. из-за того, что они якобы выполнены по сырой штукатурке⁸⁷, датируются временем значительно более поздним, чем первая четверть XI в.:

— гр. № 970 может быть датировано в пределах первой половины — середины XV в., что определяется начертаниями букв и и н «с высокими перекаладинами» (начало XIV — середина XV вв.), а также а «с удлинённой спинкой» (первая половина — середина XV в.)⁸⁸;

— гр. № 977 датируется второй половиной XII в.⁸⁹;

81 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 113, 414, табл. СХСIII-1. Матрица этого граффито воспроизведена в приложении.

82 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 16, 17, 18, 19 и др.

83 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 16–18, табл. IV-4, V-1, VI-1. Матрицы гр. №№ 723, 724 и 726 воспроизведены в приложении.

84 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 11–12, табл. III-1; Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 222, 224.

85 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 18, табл. VI-2; Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 225, 226.

86 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 18–19, табл. VI-3; Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 222, 224.

87 Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 74–76, табл. СХVI, СХХ, СХХI.

88 Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 220, 223, 224.

89 Матрица этой надписи представлена в приложении.

— гр. № 978 датируется первой половиной XII в., поскольку в нем присутствует а «с выпуклой петлей» (начало XII — середина XV вв.)⁹⁰.

Кроме того, совершенно необоснованным является утверждение В.В. Корниенко о бытовании «записей учета поминаний» лишь до конца XIV в. со ссылкой на их палеографию⁹¹. Наши наблюдения за начертаниями букв, входящих в состав этих граффити, свидетельствуют, что, по крайней мере, некоторые из них могли возникнуть и позже, в частности:

— в пределах второй четверти XI — середины XV вв. датируются начертания букв в гр. №№ 734, 747, 748, 749, 753, 754, 755, 782, 783⁹²;

— в пределах первой половины XII — середины XV вв. датируются гр. №№ 752, 757, 767, 769, 785⁹³;

— в пределах второй половины XII — середины XV вв. датируются гр. №№ 743, 756⁹⁴;

— в пределах первой половины — середины XV в. датируются гр. №№ 751, 787⁹⁵.

Отслеживание фактологических ошибок В.В. Корниенко можно было бы продолжить и далее, однако, думается, что предложенная выше произвольная выборка красноречиво свидетельствует о степени достоверности результатов эпиграфических исследований издателя *Корпуса*.

Во-первых, мы убедились, что используемая В.В. Корниенко методика фиксации граффити уже на стадии изготовления прорисовки во многом зависит от личностного восприятия надписи исследователем. Это проявляется в изготовлении прорисовки по фотографии с наилучшей (по мнению исследователя) освещенностью граффито, сугубо субъективном «избавлении от лишних элементов» (сколов, трещин и т.п.), располагающихся в поле надписи, последующей визуальной корректировке прорисовки, базирующейся на личном видении ситуации исследователем.

Во-вторых, на стадии прочтения и интерпретации содержания надписи издатель *Корпуса* ориентируется на совершенно абстрактные и маловразумительные критерии, привлекая не столько разработки современных лингвистов, сколько заведомо недоказуемые данные типа «гематрических» расчетов. В виду этого, многие интерпретации носят произвольный и сомнительный характер, зачастую базируются на нагромождении авторских допущений. Более точны они лишь в случаях прочтения устойчивых грамматических формул, таких как «Господи, помоги...», «Господи, помилуй...» и т.п.

90 Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 220.

91 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, 8.

92 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, табл. VIII-4, XV-1, XV-2, XV-3, XVII-2, XVII-3, XVIII-1, XXX-2, XXXI-1.

93 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, табл. XVII-1, XIX-1, XXIV-1, XXV-1, XXXII-1.

94 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, табл. XII-3, XVIII-2.

95 Корниенко В.В. *Корпус графіті*, табл. XVI-2, XXXII-3. В гр. № 751 датирующими являются графические модели в «с двумя изломами нижней петли» и а «с удлиненной спинкой», а в гр. № 787 — к «с увеличенным верхом и длинной ножкой» (Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 220, 221, 223).

В-третьих, абсолютно не выдерживает критики подход В.В. Корниенко к датировке надписей по их палеографическим признакам. Производя выборочный поиск сходных признаков и пренебрегая возможностями параметрического метода, издатель *Корпуса* добивается успеха лишь в трети случаев: объективные палеографические датировки граффити, полученные в результате составления датирующих матриц, отличаются от большинства предложенных В.В. Корниенко дат на несколько десятилетий и даже столетий.

Из этого, в частности, следуют казусные толкования, предложенные издателем *Корпуса* для группы граффити т.н. «эсхатологического календаря». Как показывает анализ гр. №№ 1, 2, 720 и 758, ни одна из «прочитанных» в них дат (1022, 1033, 1036 и 1492 гг.) в действительности не подтверждается их палеографией.

Далее, ни один из прочих предлагаемых В.В. Корниенко методов датирования граффити не может быть принят безусловно. В частности, «стратиграфический» метод, в случае верного его применения, фиксирует лишь относительную хронологию внутри отдельных групп надписей. Но используется он издателем *Корпуса* крайне бессистемно, а потому преимущественно безрезультатен. Метод же «типологии» представляется совершенно надуманным, поскольку не согласовывается с реальной исторической ситуацией. Кроме того, необъясненными остаются обстоятельства прекращения ведения учета поминальных молитв в соборе в конце XIV в., на чем также настаивает издатель *Корпуса*.

В итоге мы приближаемся к разгадке «феноменальной работоспособности» В.В. Корниенко, о которой речь шла в начале наших заметок. Анализируя вышеизложенные недочеты и несоответствия, мы можем констатировать, что, столкнувшись с большим объемом фактического материала, исследователь стремился зафиксировать и издать «все и сразу», наспех прочитывая, интерпретируя, датируя и поверхностно систематизируя софийские граффити⁹⁶. Именно спешка является одной из основных причин невысокого качества конечного продукта: небрежные (в смысле соответствия оригиналам) прорисовки, скороспелые, порой даже несуразные прочтения и интерпретации, ошибочные датировки и пр. По сути, мы имеем дело с полуфабрикатом, в котором практически все следует еще доводить до ума, а многое даже переделывать заново.

Наконец, та же спешка является причиной многих претензий, возникающих по отношению к подаче материала в монографии. Прежде всего, это касается описаний граффити, которые, в абсолютном своем большинстве, носят тезисный характер. Вкратце объясняя, что именно удалось прочитать в текстах надписей, В.В. Корниенко совершенно не указывает степени их сохранности (затертости, зашпакованности и т.п.), глубины и характера штрихов, размеров букв, ширины строк и, за редким исключением, взаимосвязи с накладывающимися или примыкающими граффити. В комментариях же, претендующих на обобщение изданного материала, мы не находим элементарной аналитики, которая бы

---

96 Благо, более половины изданных граффити – элементарные молитвенные формулы (свыше 50), фрагментированные рисунки (около 70), а также «записи учета поминаний» (около 170).

связала новые эпитафические памятники с опубликованными ранее древнерусскими граффити.

Вообще следует заметить, что, за исключением совершенно «протокольного» историографического раздела объемом менее 1,5 страниц в начале текста, а также кратких полемических заметок по поводу 16 «переизданных» надписей, достижений своих предшественников В.В. Корниенко практически не отображает. Складывается впечатление, что исследователь уверен в своем абсолютном новаторстве. И в этом проявляется еще одна причина неудачи осуществленного издания — его автор, не имея достаточной квалификации для работы с эпитафическими памятниками, практически не прибегал к помощи и консультациям специалистов.

Пренебрежительное отношение В.В. Корниенко к своим коллегам проявилось не только в стремлении любой ценой откорректировать изданное предшественниками, но и в подходе к иллюстрированию своего труда. Подвергая С.А. Высоцкого критике за ретуширование фотографий граффити, издатель настаивает, что «наиболее наглядной для читателя формой публикации иллюстративного материала будет бинарная публикация расположенных рядом фотографии и прорисовки»⁹⁷. На самом деле из 222 таблиц с прорисовками и фотографиями граффити, представленных в *Корпусе*, более половины (113 таблиц) снабжены фотографиями столь низкого качества, что по ним совершенно невозможно проверить точность выполненных прорисовок⁹⁸. И это вовсе не связано с качеством печати, поскольку наряду с явным браком в таблицах присутствуют достаточно четкие и разборчивые изображения.

Подводя итог вышеизложенному, мы вынуждены констатировать, что первая часть «Корпуса граффити Софии Киевской» В.В. Корниенко ни по одному из параметров — документальности данных, системности в обработке материала, обоснованности интерпретаций и датировок — не может рассматриваться как полноценный и достоверный свод источников. Перед нами, безусловно, интересный и перспективный задел для значительного научного исследования, однако, обнаруженные В.В. Корниенко в Софийском соборе эпитафические материалы нуждаются в более тщательной и объективной фиксации, профессиональном анализе и, наконец, повторной публикации с учетом хотя бы того минимума требований, которые сам издатель сформулировал в предисловии к первой части *Корпуса*.

Науково-дослідний інститут
пам'яткоохоронних досліджень

⁹⁷ Корниенко В.В. *Корпус граффити*, 4.

⁹⁸ Корниенко В.В. *Корпус граффити*, табл. VI–VIII, XI, XII, XIV–XXII, XXVII, XLI–XLIII, LI, LII, LXIV, LXVII, XCV, CXIII, CXVI, CXIX, CXXII–CLXI, CLXIII, CLXIV, CLXXXIV–CLXXXVI, CXCI, CXCVIII–CCV, CCX–CCXXVI.

Приложение

Сокращенные палеографические матрицы некоторых граффити, изданных В.В. Корниенко⁹⁹

№ 1 ¹⁰⁰		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
а	7	2/2	о	о	о	о	о	о	о	о	)					
з	2б	1/1		((	о		(	о	о	о	о	о	)	о	о	)
и	2б	3/4	о	(											)	+
п	1	1/1					)	о	о	о	о	о	)			+
т	1	2/2	о	о	(									)	о	+

№ 15		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
ж	1а2	1/1	о	о		о	о		о	)						
яз	Ъ Ъ					((		(								

№ 124		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
а	1	1/1					о	о		)	о	о	)			
в	IV	1/1	о		о	о	о	о	о	о	о	(			)	+
А	1	1/1								)	+	о	о	о	)	+
ї	IIIб	1/1	[	-	-]		[	-]		((						[
ρ	IVб	2/2							((	о	о	о	(			
ρ	12	2/2					+	+	+	((	о	о	(			
ц	4	1/1			о	+	(						)	+		
а	1	1/1								)			)	+	+	

№ 127		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
Д	II	1/1	((				)					+				
к	2	1/1	о		о	о	о	о	)							
У	II	1/1	((	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о
гр	У		((	о	о	о	о	о	о	(						

99 Матрицы составлены по прорисовкам В.В. Корниенко с учетом некоторых особенностей начертания, прослеживаемых по фотографиям. Матрицы приводятся в сокращенном виде, представляющем лишь наиболее информативные их графы. Условные обозначения к матрицам см. в статье Бобровского Т.А. «Древнерусская надпись-дипинто из Ближних пещер Киево-Печерской лавры» в этом же сборнике (примечание: числа 1/1, 2/2 и т.д. в данных таблицах обозначают количество образцов данной модели по отношению к общему числу определенной графемы в надписи).

100 Из хронологического диапазона, определяемого этой матрицей, мы вынуждены исключить графическую модель «треногого» т, датирующуюся в пределах первой половины XV в. (Зализняк А.А. *Палеография берестяных грамот*, 225).

№ 141		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420	
Δ	7	2/3	o	o	o	o	o		+		+				((		
Δ	3	1/1				o	o			((	o	o					
ρ	III	1/3		((	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	+		
§	1	2/2	[	o	o]			o	)					[	o	-]	
ϕ	1	1/1	[	o	-	-]			)		o	o	o	o	[	o	-]

№ 155		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
π	1	2/2					)	o	o	o	o	)				+
ρ	12	1/1				+	+	+	((	o	o	o				
ΓP	π		o			o			(	o	o					

№ 214		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420	
Δ	7	2/2	o	o	o	o	o		+		+				((		
Δ	3	1/1				o	o			((	o	o					
ï	IIa	1/1	[	-	-]	o		[	o	-]	+	o	+	o	o	[	o
ρ	III	1/1		((	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	+		
ц	5	1/1					)	+	o	o	o	o					
тЪ	1	½	o	o	+		)							+			

№ 251		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420			
Δ	1	1/1					o	o		)	o	o	)						
Υ	9	1/1								((	o		+	o	o	o	+	o	+

№ 251a		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
Г	3	½	o	(	o	o	)			+		o	+	o	o	o
o	3	1/1		((	o	o			o	o	+	(				
ρ	Ia	1/1									)	+	o	)		

№ 723		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420	
В	IIa	1/3					)	o	o	o	+	o	)	+	+		
π	1	1/2					)	o	o	o	o	)				+	
Υ	II	1/2	((	o	o	o	o	o			o	o	o	o	o	o	
Υ	4	1/2	o	o	(						)	o	+	o	o	o	
oΥ	II	1/2					)	o	)		o				[	o	]

№ 724 ¹⁰¹		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
в	IIa	1/1						)o	o	o	+	o	))+	+	+	
н	4	1/4									((					
п	1	1/1					)o	o	o	o	o	))				+
о	4	1/6		o		o					((	o	o	o	o	o(
р	II	1/1						o			)+	+	+		o	))+
р	12	1/1				+	+	+(o	o	o(						
у	4	1/2	o	o	(						)o	+	o	o		o
у	9	1/2								((	o	+	o	o	o	+
оу	16	1/2									)	o	o		o	[o o]

№ 726		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
в	1	1/1	o	o	o	o	))									
г	3	1/1	o		(	o	o	)		+		o	+	o	o	o
з	3	1/1		+	((		o		o	o	o	o	)		+	o
о	3	4/5			((	o	o			o	o	+	(			

№ 735		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
з	Ia	1/1		)			)		o	o	o	o	+	))		
л	4б	1/1		o			+			((	o		o	o		o
о	3	1/2			((	o	o			o	o	+	(			
р	Ia	1/1									)+	o	))			

№ 746		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
з	3	1/1		+	((		o		o	o	o	o	)	+		o
р	12	1/1				+	+	+(o	o	o(						
гр	оу												o	))		

№ 758 ¹⁰²		1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	1380	1410	1420
в	IIa	1/2					)o	o	o	+	o	o	))+	+	+	
л	3	1/1				o	))			((	o	o				
о	3	1/2			((	o	o			o	o	+	(			
т	2	1/1	+	+	(		o	+	o	o	)		o		o	+

101 Начертания о «шириной в и» и н «с высокой перекладиной» в данном случае играют второстепенную роль, поскольку являются исключительными в данной надписи по сравнению с другими начертаниями этих букв.

102 Двойной хронологический диапазон, наблюдающийся в палеографии этой надписи, вероятно, свидетельствует об искусственном соединении тут двух разновременных надписей, на что указывалось выше.

